

В мае 1942 года в Барнауле умер поэт Вадим Шершеневич

текст **Татьяна БОГУМИЛ**

Вадим Шершеневич

Фото предоставлено автором

Анатолий Мариенгоф в мемуарах «Роман без вранья» писал: «Шершеневич все делает профессионально: стихи, театр, фельетоны; профессионально играет в теннис, в покер, влюбляется, острит, управляет канцелярией и – говорит (но ка-а-ак говорит!)». Вадим Габриэлевич Шершеневич, действительно, был профессионалом в разных сферах литературной деятельности. Он состоялся как поэт, переводчик, драматург, театровед, критик, теоретик.

В 1918 году Шершеневич сблизился с Сергеем Есениным и Анатолием Мариенгофом. Был учрежден «Орден имажинистов». Яркий оратор, блестящий полемист, Шершеневич постоянно выступал на многочисленных вечерах-диспутах с участием группы. Он читал стихи с эстрады, был чрезвычайно популярен среди московской публики, на равных соперничал с В. Маяковским. Однако государство все больше и больше вторгалось в искусство. Существование имажинизма становилось невозможным. В 1920–1930 годы поэта спасало знание иностранных языков. Шершеневич переводил тексты оперетт и музыкальных комедий. Театральные постановки по этим текстам шли по всей стране от Хабаровска до Киева и от Архангельска до Тбилиси. Одновременно Шершеневич работал над переводами произведений великих французов, а в последние годы жизни обратился к Шекспиру, самостоятельно изучив английский язык. Эти переводы, за редким исключением, тогда не были опубликованы.

В октябре 1941 года Шершеневич вместе с женой эвакуируется в Барнаул. Пойти на фронт ему не позволили медицинские противопоказания. На Алтае, по воспоминаниям прозаика и сценариста Н. Оттена, Шершеневич написал несколько стихотворений для фронта, делал подтекстовки для карикатур-плакатов «Алтайские окна ТАСС», много выступал по госпиталям и на открытых литературных вечерах в Барнауле, Бийске, Алейске и других городах. Совместно писатели создали сценарий пьесы-памфлета «Приговор выносите вы», в которой сатирически обличалась немецко-фашистская военщина. Барнаульскому периоду жизни Вадима Шершеневича посвящена повесть Анатолия Казаковцева «В пылающем небоскребе» (1989).

Всю зиму 1941–1942 годов Шершеневич с нетерпением ожидал приезда в Барнаул Московского камерного театра во главе с Александром Таировым, с которым он сотрудничал и дружил. Приезд затянулся до апреля, поэт тосковал: «Гляжу в окно: три дня оптимистический сибирский мороз (30–40). Он здесь переносится легко (если нет ветра). Важны валенки, а они есть. Красивые

горы, мрачные люди – и впереди весна. Устал я смертельно». И еще: «В пятьдесят лет (а это скоро) человек мечтает о тишине и о комфорте. Кажется, что стыдно мечтать об этом в то же время, когда десятки тысяч не имеют даже... жизни в буквальном значении. Но что делать? Жизнь одних течет вне зависимости от страданий и смерти других. К сожалению, так же будут рассуждать другие над нашей могилой...»

На своем дне рождения в феврале 1942 года Шершеневич заявил: «Я в этом году должен умереть, так как мне исполнилось сорок девять лет». Убеденность в роковой предопределенности жизненного срока была связана с тем обстоятельством, что отец поэта скончался за несколько месяцев до 50, а мать тоже умерла в 50 лет. После дня рождения Шершеневич, чувствуя недомогание, обратился к врачам, долгое время не могли поставить диагноз. 18 мая 1942 года поэт скончался.

В мемуарах Анатолия Мариенгофа «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги» эту нерадостную весть автор обсуждает с Василием Качаловым:

«— Представь мой друг, я только сегодня узнал, что умер Шершеневич. Где-то у черта на куличках.

— В Барнауле, – подтвердил я. — Он туда эвакуировался из Москвы. Вместе с Камерным театром.

— Да, Таиров с Алисой его и похоронили.

— Почему «Таиров с Алисой»? Его хоронили все камерники. <...>

— Алиса сказала: «Бедный Дима ужасно не хотел умирать. Он очень любил жизнь». <...>

Шершеневич не выходил из головы.

— И умер-то он непонятно. От какого-то «милярного туберкулеза». <...>

— Туберкулез и Шершеневич. Не укладывается это в мозг. Не вяжется одно с другим. <...>

— Лечили от одного, – сказал я, – а умер он от другого. <...> Диму лечили от тифа, а умер он от милярного!»

Медицинские подробности смерти поэта обстоятельно изложены в фундаментальном труде В.А. Дроздкова о Шершеневиче «Dumspigospero» (2014). Трагюя причины смерти поэта в мифопоэтическом ключе, а Вадим Шершеневич был не чужд жизнотворчества, подчеркнем, что обострение туберкулеза, залеченного в 1922–1923 годах, можно прочесть как болезнь не только легких, но и души. Не случайно, в письмах зимы 1942-го Шершеневич хандрит. А в раннем стихотворении «Расход тоски», датированном именно 1922 годом, поэт увязывает смерть с тоскою, невольно предсказывая свой финал.

И встретить смерть под пятьдесят,
Когда вся жизнь, как хата с краю,
Как беден счастьем мой приход,
И как богат расход тоскою.

Симптоматично, что «окраинное» самоощущение поэта, постепенно оказавшегося на периферии советского искусства, трансформировалось в географическую периферию. Как отмечает В.А. Дроздков, «метафора “жизнь, как хата с краю” обрела еще один смысл: оказаться на окраине страны, за тысячи километров от дома, и там завершить свою жизнь».

Интересен жизнотворческий акт молодых амбициозных и малоизвестных на тот момент имажинистов. Есенин, Мариенгоф, Кусиков и Шершеневич «переименовывали» улицы Москвы, вывешивая таблички с собственными фамилиями. Любопытным объясняли: «Это красные партизаны, освободившие Сибирь от Колчака!» Вот и оказался поэт, всю свою сознательную жизнь проживший в столице, похороненным в Сибири, «где-то

у черта на куличках». Чем навсегда прописал Барнаул на Литературной карте России.

Могила В. Шершеневича находится на старом Булыгинском кладбище в Барнауле. Надгробие из черного с синими блестками камня с выбитой на нем подписью поэта было поставлено в мае 1960 года вдовой М.М. Волковой. Первоначально на могиле была возложена из кирпича покатая плита, которую залили цементом. В раствор вдавили деревянные буквы со строками стихотворения Шарля Бодлера «Безраздельно» в переводе Вадима Шершеневича.

О, тайна преобразования!
Все чувства, как одно, звучат.
Есть музыка в её дыханье...
А в голосе есть аромат!

Это надгробие было установлено при участии алтайского писателя и краеведа Марка Юдалевича. «Открытие» могилы Шершеневича для местной культурной общности приписывается поэту Станиславу Яненко. В конце 1970 годов, бродя по кладбищу, он неожиданно наткнулся на могильный камень некогда знаменитого имажиниста. На литературной студии, на многочисленных поэтических выступлениях Яненко стал рассказывать о своей находке, инициировав всплеск интереса к личности и творчеству Вадима Шершеневича и «памятничество» к его могиле. Борис Капустин написал об этом случае стихотворение, посвященное Станиславу Яненко.

...На Литераторских мостках
вдруг сердце защемило,
Я вспомнил, как дружок мой Стас
открыл одну могилу. <...>
И вот, когда стал Богом Блок,
его внимание привлёк
гранита чёрного кусок,
И вроде непростая,
бегущая наискосок
фамилья золотая. <...>
И мы отправились ночной
порою в темь глухую –
свезти сирень хмельную.
Кому? Неведомо пока.
Почившему Поэту...

Надгробный камень на могиле Вадима Шершеневича. Фото предоставлено автором

